

**ОТЗЫВ**  
**официального оппонента**  
**о диссертации на соискание ученой степени**  
**кандидата юридических наук**  
**Брикульского Ивана Александровича**  
**на тему:**  
**«Принцип социального государства в конституционном праве России:**  
**риски патерналистской интерпретации»**  
**по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)**  
**науки**

Диссертация И.А. Брикульского, выносимая на защиту, написана на тему, которая **актуальна, как минимум, по двум основаниям**. Во-первых, проблематика социального государства, несмотря на то, что сама эта идея и первая практика ее воплощения появились в XIX в., *не утратила своей остроты*. Как и почти двести лет назад, сегодня в мире проблема материальных «элементов» обеспечения человеческого достоинства обладает такой же взрывной силой – силой, способной даже поколебать основания государства. Конечно, за это время радикально изменилась социальная (говоря прежним языком, классовая) структура общества, по крайней мере, в евро-атлантической цивилизации. Уже нет былого антагонизма между пролетариатом и буржуазией («трудом и капиталом»), о чем писали не только основатели марксизма, но и наиболее дальновидные исследователи – Лоренц фон Штайн, Роберт фон Моль и др. Существенно возросла социальная мобильность населения, получила институализацию социальная функция государства. Однако не следует забывать, что в постиндустриальном обществе *изменились сами социальные, политические и правовые стандарты*, т.е. минимальные требования для обеспечения человеческого достоинства. И эти изменения заставляют современные государства совершенно иначе воспринимать и осуществлять свою экономическую и социальную функции, иначе выстраивать институциональный дизайн.

Второе основание актуальности темы состоит в том, что в наше время появились и *новые риски*, связанные с социальной функцией государства.

Одному из этих рисков – возможности перерастания социального государства в патерналистское, – собственно, и посвящена диссертация. Дело в том, что социальная функция создает огромный соблазн для правящей элиты превратить материальную помощь, оказываемую государством нуждающимся в ней, в собственное благодеяние, за которое население должно быть благодарно государству (а в скрытом виде – конкретной партии, партийной коалиции или даже конкретному правителю) и эту благодарность конвертировать в лояльность. Но лояльность не гражданскую, а своему «доброму господину». Это и есть то, что именуется *патернализмом*, вследствие которого искажаются принципы конституционализма и происходит его деградация, – проблема, заслуживающая самого пристального научного внимания.

Диссертант глубоко (порой, пожалуй, даже излишне глубоко) погружается в эту проблему, в т.ч. привлекая множество научных источников. Тем самым его суждения и выводы имеют под собой **фундаментальную научную базу**. Для такого утверждения достаточно просмотреть хотя бы оглавление диссертации и библиографию. О некоторых важных положениях диссертации, являющихся достижением автора и **вкладом в науку** конституционного права, я скажу чуть ниже.

Огромный и весьма разнообразный круг источников, привлекаемых автором для своего научного анализа (в т.ч. большое число работ на иностранных языках), их критическое осмысление дают основание высоко оценить **достоверность выводов**, сделанных в диссертации. При этом, следует отметить, эти выводы, как и сам аспект рассмотрения проблематики социального государства, обладают несомненной **новизной**.

Едва ли не самый важный вывод диссертанта заключается в том, как он сам пишет, что *«патерналистская модель усиливает институциональную роль Президента как центра социальной политики, формируя структуру, при которой парламент и правительство как ветви политической власти теряют самостоятельную нормотворческую функцию, а органы, не обладающие*

конституционно-правовым статусом и являющиеся скорее вспомогательными по своей природе, получают решающее влияние вне рамок формального разделения властей. *Такое перераспределение полномочий влияет не только на институты, но и на статус личности в конституционном порядке»* (с. 279-280). Другое дело, что с этим кто-то может поспорить. Но если диссертация пробуждает такое стремление, значит, она выполняет одно из основных своих предназначений.

По своей глубине погружения в проблематику, широте охвата разных ее аспектов, числу и разнообразию нормативных и научных источников, даже по своему объему кандидатская диссертация становится похожа на докторскую. Это, впрочем, не только похвала. Во-первых, большой объем и очень дробная структура усложнили труд оппонентов, а, во-вторых, в работе есть повторы и необязательные сюжеты. Например, диссертант слишком увлекся анализом компетенции Президента, Правительства и Парламента.

Тем не менее, сразу же скажу: диссертация оставляет весьма положительное впечатление и дает уверенность, что наука получает молодого автора с огромным научным потенциалом. Отмечу теперь более конкретно **положительные моменты** (далеко не все) диссертации.

1. И.А. Брикульский весьма подробно проанализировал *историю становления и типологию* социального государства, предлагаемую как зарубежными авторами (§ 1 гл. 1), так и отечественными (2.3. § 2 гл. 1). Причем это не набор цитат или изложения чужих позиций, как нередко бывает в научных работах, а именно их анализ, причем анализ критический. Диссертант подвергает оценке практически каждую изложенную им позицию, сопоставляет их, присоединяясь к одним и не соглашаясь с другими. Такой экскурс, действительно, необходим, поскольку, с одной стороны, в последующем автор доказывает, что в России существует эклектичная модель социального государства. С другой стороны, во многом такой характер модели обуславливает ее патерналистский характер.

2. Огромный интерес вызывает анализ того, как смотрели на понятие «социальное государство» участники конституционного процесса в самом начале 1990-х гг. Исторический подход в правовых работах вообще всегда обогащает их содержание, ибо помогает понять причины и мотивы людей, создающих публично-правовой «продукт». Диссертант довольно подробно рассматривает разные версии конституционных проектов – как Конституционной комиссии, так и Конституционного совещания.

Тут я, правда, должен сделать небольшой упрек: стоило бы сравнить версию проекта Конституционного совещания, которая появилась при окончании его работы летом 1993 г., с окончательным текстом Конституции РФ, т.е. что изменилось в период доработки проекта в октябре-ноябре 1993 г. А изменилось многое. В частности, в ст. 7 менее обязывающе стала звучать формула социального государства. В «летнем» варианте проекта говорилось, что политика социального государства направлена *«на удовлетворение духовных и материальных потребностей личности, обеспечение благосостояния человека и общества»*, а в окончательной редакции – *«на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»*. Из текста той же статьи было исключено упоминание о том, что государство определяет *прожиточный минимум*. Соответственно, в ст. 39 теперь нет фразы, существовавшей в проекте: *«Пенсии, социальные пособия, социальная помощь должны обеспечивать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, установленного законом»*.

3. В диссертации, на мой взгляд, великолепно сказано о том, что такое компромисс, и с чем его нельзя путать (с. 59–60). И.А. Брикульский, в частности, пишет: «Компромисс между противоположными точками зрениями – не всегда признак компромисса как такового, а также культуры диалога или баланса, а зачастую *признак отказа от системного подхода и логической строгости*. Идея компромисса базируется на предположении, что истина находится “посередине”. Тем не менее, истина вообще и научная истина – это не среднее арифметическое значение между мнениями» (с. 59).

4. Могу только аплодировать И.А. Брикульскому за то, что встретил в нем своего единомышленника в проблематике, которую я условно называю «институты и люди». Он, как и его официальный оппонент, выступает против фатализма, который свойствен как «прогрессистам», так и «консерваторам», уверяющим, что в России ничего не изменится, ибо таковы доминирующие ценности общества, ее географическое и климатическое положение и проч. В общем такова «матрица», как заявляет С.Г. Кирдина<sup>1</sup>, в которой Россия находится едва ли не изначально. Эти авторы не хотят понимать, что ценности, конечно, могут влиять на качество и долговечность институтов, но и институты влияют на ценности. Дурные, неграмотно построенные или воспринимаемые как декорация институты не способны не только изменить неправильные представления, стереотипы, отрицательные ценности, но и укрепить их. Поэтому Брикульский совершенно верно резюмирует: «институты должны рассматриваться как источник постепенного формирования базовых ценностей» (с. 113).

5. Скажу честно, диссертант открыл многое для меня неизвестного. В частности, я не знал, что в зарубежной литературе есть работы, посвященные использованию президентами «социальной политики как инструмента укрепления легитимности и достижения политических целей» (§ 2 гл. 3, с. 153). Я полагал, что это чисто постсоветское явление. Согласен с И.А. Брикульским в том, что это такой инструмент означает выход за пределы конституционного предназначения президента, хотя, как диссертант показывает, Конституционный Суд РФ легитимирует такое направление деятельности. В этом же параграфе автор, среди прочего, останавливается на формах, направлениях «социальной деятельности» российского Президента и указывает, что она проводится весьма активно. Здесь могу подтвердить это: по моим подсчетам, с 1 января 1994 по 31 декабря 2021 г. российские президенты издали 469 указов в социальной сфере, в т.ч. посвященные: мерам по решению

<sup>1</sup> Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10.

жилищной проблемы, смягчению материальных трудностей в период реформ, единовременным выплатам и т.п. (результаты такого количественного анализа опубликованы в моей статье<sup>2</sup>).

Заканчивая часть отзыва о достоинствах диссертации, повторю: здесь названы далеко не все моменты, демонстрирующие высокий научный уровень диссертанта, его добросовестное и даже, я бы сказал, горячее отношение к рассматриваемой теме, умение подмечать тонкости и делать интереснейшие, хотя и не всегда бесспорные выводы.

Разумеется, в диссертации есть и **недостатки**. Впрочем, большей частью они носят характер не столько ошибочных суждений, сколько спорных или не проясненных моментов.

1. Диссертант в гл. 1 отвел немало места анализу разных *моделей социального государства*. И он правильно заметил, сказав: «Одна из фундаментальных ошибок – попытка либо сконструировать уникальную гибридную модель без внятной теоретической основы, либо заимствовать институт, не определив чётко, в рамках какой модели он должен функционировать» (с. 42). Поэтому понятны и оправданны неоднократные сетования на то, что *в постсоветской России модель обладает теоретической неопределенностью, эклектичностью*. Однако на с. 116 читаем: «Утверждения о том, что в России сложилась уникальная и эклектичная (гибридная) модель социального государства, вызывают сомнения». Возможно, здесь неудачная редакция. Но хотелось бы, чтобы автор объяснил такое противоречие.

Но главное, что в диссертации я не увидел *четкие признаки эклектичности* российской модели (если вообще можно говорить о модели), т.е. в чем конкретно проявляется эклектичность. Фраза на с. 69 – о том, что с 1993 по 2020 год принцип социального государства «опирался на эклектичную

<sup>2</sup> Краснов М.А. Структура массива указов Президента РФ, принятых в 1994-2021 гг. (опыт конституционной статистики) // Вестник Воронежского государственного университета. 2025. № 1 (60).

модель, сочетающую элементы социалистического патернализма и либеральной риторики» не раскрывает тезис о неопределенности российской модели.

2. Едва ли не центральная проблема не только самой работы, но и в реальности – риск *патернализма*. Тут есть много того, о чем можно было спросить автора или с чем поспорить. Но хотелось бы затронуть лишь один момент.

Патернализм – негативный феномен. Выше я уже сказал, что патернализм – это якобы отеческая забота государства в обмен на лояльность, а лучше покорность. В таком случае можно ли говорить о «*допустимом патернализме*» (с. 19), «*допустимых пределах патернализма*» (с. 44)?

Возможно, это связано с некритичным подходом к определениям патернализма некоторых зарубежных исследователей (с. 44–46), которые оправдывают патернализм в определенных ситуациях. Вот и диссертант пишет, что «патернализм в правовом регулировании может рассматриваться как *допустимый и в определённых случаях даже необходимый инструмент защиты уязвимых групп*, однако его применение должно носить строго ограниченный, соразмерный и селективный характер: меры патерналистского вмешательства должны быть дифференцированы в зависимости от конкретных условий, уязвимости субъектов права и характера предполагаемой угрозы их благополучию» (с. 50). Правда, это противоречит его же словам на с. 141, где говорится, что что «патернализм – *подчинение личности и её свободы государству* через призму социальных прав и гарантий». Не очень удачная редакция, но в целом понятно. Но тогда что тут допустимо? Разве можно подсчитать, *насколько* личность должна быть подчинена государству?

О том же на с. 51: «патернализм в масштабах общей модели социального государства недопустим, а его применение может быть оправдано лишь в строго ограниченных ситуациях, когда речь идёт о защите лиц, объективно неспособных самостоятельно реализовывать свои права и обеспечивать

достойный уровень жизни». Я здесь даже не обращаю внимание на противоречие: «патернализм недопустим, но его применение может быть оправданно». Дело в другом. Социальная помощь, социальное обеспечение «слабого» вовсе не есть патернализм.

Хотелось бы уточнить подлинную позицию диссертанта.

С этой проблемой связана и позиция Лоренца фон Штайна, на взглядах которого, к моему удивлению, автор подробно не останавливается (с. 25). Этот мыслитель включал в понимание социального государства, прежде всего, *межклассовую мобильность*. *Социальное выравнивание* – вообще его центральная идея в концепции социального государства, что, разумеется, не отрицает помощи бедствующим. Политика, соответствующая такому пониманию социальной государственности, могла бы стать мощным средством противодействия патернализму.

Кстати, ссылаясь на мою работу, Брикульский называет главное отличие социалистического государства от социального – всеобщность. Но в этой статье есть и более важное отличие: «политика, основанная на идее полного социального равенства (как фундаментальной цели государства), коренным образом отличается от политики, строящейся на идее социального выравнивания, которая не только допускает имущественную дифференциацию, но и считает её необходимой основой для развития экономики»<sup>3</sup>. Жаль, что этой идее фон Штайна автор не придал должного внимания.

3. На с. 224 есть фраза: «Реальное распределение власти формируется не только на уровне текстов, но и *на уровне ожиданий*: если население связывает выполнение социальной функции исключительно с Президентом, то даже при отсутствии в Конституции прямого указания на такую роль, институт главы государства де-факто приобретает перераспределительный мандат, усиливая

---

<sup>3</sup> Краснов М.А. Социальное государство: реконструкция смысла // Экономические и социальные аспекты российского конституционализма: Труды кафедры конституционного и муниципального права. Вып. 4 / Отв. ред. Е.К. Глушко. ГУ-ВШЭ. М., ТЕИС, 2009.

персонализм и искажая структуру публичной власти». Во-первых, тут смешаны две проблемы: выход за рамки конституционной компетенции и ведущая роль Президента в социальной политике. А, во-вторых, получается, что Президент «приобретает перераспределительный мандат» уже потому, что население связывает именно с ним социальные ожидания.

4. Я не очень согласен с тем, что автор *поддерживает определение института Дугласа Норта*, который в это понятие включает «менталитет, культуру, накопленный опыт и знания» (с. 125). В другой его работе (с соавторами) еще и «разделяемые убеждения о мире»<sup>4</sup>. Такое широкое понимание, на мой взгляд, ведет к потере содержательной специфики понятия «институт». Думается, гораздо более адекватна позиция, например, известного российского институционального экономиста Р.И. Капелюшникова, который определяет институты как: «а) общие "правила игры" (как формальные, так и неформальные), которые структурируют пространство социальных и экономических взаимодействий; б) инстанции и процедуры, обеспечивающие соблюдение (в том числе — принудительное) этих правил»<sup>5</sup>.

5. На с. 149 автор пишет: «В настоящем исследовании мы будем исходить из тезиса институционалистов о том, что у институтов есть своя траектория развития, которая определяется объективными социально-экономическими факторами: институты изменяются не произвольно, а в строго заданных рамках. Действия в рамках своей траектории также подчиняются этим правилам. Следовательно, можно предположить, что институционально сильное президентство выступает одновременно стимулом для концентрации власти и формирует определённые ограничительные импульсы для других ветвей власти — в первую очередь Федерального

<sup>4</sup> Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова и А. Расковой. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. С. 59.

<sup>5</sup> Капелюшников Р.И. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 344.

Собрания и судебной системы». Честно сказать, непонятно из чего вытекает такой вывод диссертанта. Нет ли здесь нарушения логики?

6. Не могу не посетовать и на то, что автор плохо вычитал рукопись перед сдачей для опубликования. Я даже не говорю о редакционных погрешностях. Но необходимо было исправить хотя бы те слова, которые компьютер подчеркивает как неправильные. Кроме того, научная культура заставляет очень бережно и внимательно относиться к написанию фамилий, имен и отчеств коллег. Между тем, в диссертации встречаются такие искажения, как Е.Ф. Ясин (он – Евгений Григорьевич), С.А. Алексеев (он – Сергей Сергеевич). В разных местах искажаются фамилии: Курданова – Хурданова, Осятыньский – Осятинский.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель БРИКУЛЬСКИЙ И.А. заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук,

Профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ  
«Высшая школа экономики»  
«Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования»

КРАСНОВ Михаил Александрович

*подпись*

Дата подписания

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом  
защищена диссертация:  
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс;  
муниципальное право

Адрес места работы:

109028, г. Москва, ул. Покровский бульвар, д.11, оф. Т 704  
НИУ «Высшая школа экономики», Высшая школа юриспруденции и  
администрирования  
Тел.: +7(495) 951-06-62; e-mail: evalekseeva@hse.ru; mmoiseeva@hse.ru